

А.Ю.Стефаненко

ИНИЦИАТИВНЫЕ ГРУППЫ И ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ОППОЗИЦИЯ: СЛУЧАЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРНОГО ИНСТИТУТА (1925—1939 ГГ.)

Рассматривается история внутрипартийной борьбы в одном из вузов Ленинграда. Совпадение съездовской дискуссии с полемикой внутри партийной организации института создало уникальную ситуацию. Противостояние шло между инициативной группой сторонников ЦК ВКП(б) и оппозицией. С течением времени оппозиционеры вуза стали восприниматься как подпольная группа с четкой организационной структурой и планом действий. Фрагментарность информации об оппозиционном движении в Ленинграде создала условия, когда данные на оппозиционеров могли предоставить в первую очередь участники инициативных групп сторонников ЦК ВКП(б). Вместе с тем создаваемый борцами с оппозицией образ их политических соперников имел мало общего с действительностью и содержал набор устойчивых пропагандистских шаблонов. Инициативные группы выступали как инструмент конструирования оппозиции. Случай группировки сторонников ЦК ВКП(б) в институте был использован в конце «Большого террора» для критики перегибов на местах.

Ключевые слова: внутрипартийная борьба, Ленинград, Ленинградский Горный Институт, Троцкий, Зиновьев, репрессии, оппозиция

История противостояния оппозиции и сторонников ЦК РКП(б)-ВКП(б) в высшем руководстве партии неоднократно становилась предметом исследования [1-4]. Меньшее внимание привлекает региональный аспект, анализ ситуации в конкретных партийных комитетах. На низовом уровне внутрипартийная борьба приобретала новые черты и отражала ситуацию среди рядовых членов партии. Часто практики противостояния носили иной характер. Это отчетливо проявилось после XIV съезда РКП(б), когда в Ленинграде началась конфронтация между сторонниками и противниками ленинградской делегации.

Специальная делегация ЦК ВКП(б), приехавшая в Ленинград в январе 1926 г. для разъяснения решений съезда, не ставила своей целью посещение вузов. Только 15 января 1926 г. нарком труда В.В.Шмидт выступил в Ленинградском Политехническом Институте (ЛПИ) [5, л. 616]. Акцент сторонников ЦК ВКП(б) на фабрики и заводы создал почву для возникновения в вузах локальных группировок противников и сторонников ленинградской делегации. Несмотря на официальное осуждение губернской контрольной комиссией деятельности «инициативных групп» [6, л. 5], в Ленинградском Горном Институте (ЛГИ) оформилась и действовала организация сторонников ЦК ВКП(б). Руководителями группы из 7 человек стали студенты И.З.Козлов и В.В.Напольская [7, л. 37]. Всего в поддержку большинства съезда выступило 86 человек из 120 партийцев ЛГИ [8, л. 1-1 об.]. Их противниками стали руководящие партийные работники вуза во главе с членами партийного бюро, агитаторами Г.И.Козьминым и Г.П.Сафроновым.

Инициативная группа активно использовала недовольство, существовавшее в ЛГИ в связи с наличием среди преподавателей старой профессуры [9, л. 69 об.]. В конце 1925 г. в вузе состоялся юбилей в честь профессоров. Среди лиц, получивших приглашения, был последний генерал-губернатор Петрограда П.И.Пальчинский и еще несколько бывших противников большевиков [10, л. 14-15]. В связи с этим в вузе начался скандал, расколовший партийное бюро на два лагеря: тех, кто был за проведение юбилея и их противников.

Критика юбилея перешла к обвинению партийного бюро вуза и Василеостровского райкома ВКП(б) в неправильных действиях. Сторонники инициативной группы указывали на то, что с районных собраний удаляют учащихся военно-политической академии им. Толмачева, которые выступали в поддержку большинства съезда [11, л. 138]. Партийное бюро ЛГИ восприняло существовавшие в коллективе настроения как попытку инициативной группы установить связи с другими партийными комитетами района и подменить собой существующее бюро [11, л. 138].

Противники ленинградской делегации действовали в сложных условиях. Руководство Василеостровского райкома открыто угрожало сторонникам ЦК ВКП(б) [12, л. 2; 13, л. 193]. Параллельно с этим в районе активно действовали толмачевцы, поддерживавшие большинство съезда. Появление последних на партийных собраниях приводило к постоянным скандалам [13, л. 194 об; 14, л. 1; 15 л. 2].

Участники инициативной группы были вынуждены собираться нелегально [8, л. 1-1 об.]. Официально партийный комитет ЛГИ выступил с поддержкой ленинградской делегации [8, л. 47-48]. Ситуация изменилась после того, как в феврале 1926 г. ЦК ВКП(б) удалось начать смену руководства Ленинграда. Одними из первых были сняты руководящие работники Василеостровского райкома [16, л. 15, 19]. В конце 1926 г. отмечалось, что в коллективе ЛГИ нет оппозиционных настроений и осталось только 20—30 сторонников оппозиции [8, л. 86 об.].

Дискуссия вокруг ленинградской делегации не сумела ликвидировать все противоречия. Смена руководящих работников не затронула многие партийные комитеты города. В тоже время в низах создалось устойчивое мнение о том, что сторонниками оппозиции выступают преимущественно студенты и комсомольцы

[17, л. 8; 18, л. 21; 19, л. 61]. Сторонники ЦК ВКП(б) неоднократно использовали подобные настроения для перенесения тяжести внутрипартийной борьбы с заводов в учебные заведения [20, л. 21; 21, л. 64]. Вместе с тем ЛГИ не входил в число самых оппозиционных вузов. Наибольшее недовольство ЦК ВКП(б) высказывали студенты ЛГУ, ЛПИ и Лесного института. В последнем только по линии партийного комитета вуза по обвинению в поддержке оппозиции прошли 30 человек [22, л. 12 об.].

Сторонники оппозиции из числа студентов ЛГИ редко привлекались партийными контрольными комиссиями ответственности, за исключением активных пропагандистов. Таких оппозиционеров рассматривали как неисправимых людей, боровшихся с партией под флагом различных оппозиционных течений [23, л. 8]. Руководящие партийные работники ЛГИ не подверглись преследованию за участие в оппозиции, так как не занимались фракционной работой. Они не были замечены в посещении и организации оппозиционных собраний, чтении запрещенной литературы. Речь шла о ситуативной поддержке действий ленинградской делегации, а не систематическом противостоянии линии ЦК ВКП(б).

Ситуация начала меняться в 1928 г. XV съезд ВКП(б) официально осудил оппозицию и приравнял ее к неоменьшевистской партии [24, с. 1284]. На фоне массового отхода от оппозиции ее сторонников, разделения оппозиционеров на ссыльных и оставшихся, произошли изменения в социальном составе ленинградских оппозиционеров. Увеличилось число лидеров из числа рабочих и студентов. Исчезли руководители оппозиции, занимавшие ранее ответственные должности в органах власти. Происходил процесс маргинализации, превращения оппозиции из широкого движения в узкую группу, продолжавшую борьбу с ЦК ВКП(б).

Свою роль сыграли и действия ОГПУ. В начале 1930-х гг. удалось перехватить «Бюллетень оппозиции», посланный из-за границы в подшивке немецкой газеты [25, л. 69]. В 1932 г. было установлено наблюдение за бывшими оппозиционерами ЛГИ. Поводом стал банкет в гостинице «Астория». В сообщении на имя С.М.Кирова говорилось, что оппозиционеры устраивали застолья в честь Л.Д.Троцкого [26, л. 1-2, 4; 27, л. 7-13 об.]. Подобные действия воспринимались с конца 1920-х гг. как один из элементов внутрипартийной борьбы [28, л. 1; 29, л. 4; 30, л. 4], наравне с распространением портретов лидеров оппозиции [31, л. 1].

Сообщение ОГПУ об оппозиционерах ЛГИ отражает характерную черту кампаний первой половины 1930-х гг. Оппозиция изображается в документе как организационная группа. Все участники объединены в центр с иерархичной структурой [26, л. 1-2, 4; 27, л. 7-13 об.]. В действительности речь шла о перенесении должностей в системе власти в оппозицию. 11 человек, указанные как активные оппозиционеры, в свое время занимали ответственные должности в ЛГИ. Они не входили в непосредственное руководящее ядро ни одной из оппозиционных групп Ленинграда в 1923—1928 гг. В то же время, ОГПУ изображало эволюцию группы как длительный процесс перехода от социал-демократического уклона к троцкизму [26, л. 1-2, 4; 27, л. 7-13 об.].

Дело «банкета в “Астории”» показывает стремление ОГПУ представить отдельные действия оппозиционеров как проявления процесса превращения разбросанных групп в некую единую организацию, политический центр сторонников Троцкого. Кратковременность пребывания в оппозиции, наличие среди участников лиц, не принадлежавших к троцкистам, не играли существенной роли и не меняли общей картины. Дело также демонстрирует изменения в восприятии оппозиции властью. Характерной чертой становится работа на ответственных постах и подчинение оппозиционному руководству партийной организации города или учреждения. Работа под начальством бывших оппозиционеров постепенно становится одним из признаков оппозиционности. Участники банкета не были арестованы и находились на свободе вплоть до убийства Кирова.

В середине декабря 1934 г., непосредственно после покушения на Кирова, началась кампания по обвинению бывших участников оппозиции в содействии убийству руководителя города. Рядовые ленинградцы не рассматривали версию участия оппозиции как одну из возможных, предпочитая возлагать вину на местное руководство НКВД [32, л. 18-19; 33, л. 48].

У партийных органов и НКВД не было единого списка всех участников оппозиции. Это сделало бывших борцов с оппозицией важнейшим источником информации. Вместе с тем, руководящие работники часто констатировали, что проще назвать тех, кто не был в оппозиции, так как в большинстве случаев все руководство поддерживало линию ленинградской делегации [34, л. 28-30].

Огромную роль в формировании образа оппозиции в ЛГИ сыграли бывшие участники инициативной группы сторонников ЦК. К 1935 г. этих людей уже объединяли тесные административные, научные и родственные связи [7, л. 37; 35, л. 1, 29; 36, л. 2; 37, л. 7]. При их содействии был подготовлен список, включавший 36 фамилий [7, л. 34, 37]. Анализ документа позволяет говорить о его неполноте, отсутствии данных на некоторых оппозиционеров. В списке присутствуют фамилии лиц, чье участие в оппозиции никак не подтверждается.

По версии бывших участников инициативной группы, оппозиция в вузе была тесно связана с бывшим профессором Пальчинским, поскольку руководители оппозиции были женаты на его дочерях, приходясь тем самым друг другу родственниками [38, л. 1-2]. На самом деле, у Пальчинского вообще не было детей, что делает версию о белогвардейском характере оппозиции в ЛГИ конструктом, не отражающим реальную ситуацию.

В ЛГИ были арестованы практически все бывшие противники ЦК ВКП(б). В отношении ряда лиц в последующем проводились проверки с вызовом в институт [39, л. 7]. От задержанных требовали составления автобиографий с указанием причин участия в оппозиции. Наиболее подробно о поддержке противников ЦК ВКП(б) написали бывшие сотрудники агитационно-пропагандистского отдела парткома ЛГИ Козьмин и

Сафронов [40, л. 21 об. — 23 об.; 41, л. 21-25]. В текстах специально выделялся период оппозиционной работы, формировался образ оппозиции как структуры, аналогичной партии. Таким образом, версия инициативной группы подкреплялась показаниями бывших оппозиционеров.

После убийства Кирова и репрессий против оппозиции внутрипартийная борьба в ЛГИ не прекратилась. Толчком к новому витку противостояния послужило дело о смене бюро 1933 г. Бывшие участники инициативной группы считали, что оппозиционное партийное руководство пыталось всеми способами вывести их из института [42, л. 11]. В период «Большого террора» это дело получило новую трактовку. Постепенно партийные работники стали искусственно объединять всех противников оппозиции вокруг бывшей руководительницы инициативной группы сторонников ЦК Напольской, превращая их в группу лиц, заинтересованных в собственной выгоде. Бывший руководитель борцов с оппозицией уже привлекался за бравирование дореволюционным партийным стажем [43, л. 1]. В 1939 г. дело Напольской стало началом кампании по борьбе с «клеветниками» и курировалось главой ленинградской партийной организации А.А.Ждановым, а на уровне ЦК ВКП(б) — заместителем председателя комиссии партийного контроля М.Ф.Шкирятовым [44, с. 391-394]. Действия инициативной группы ЛГИ были осуждены на XVIII съезде ВКП(б) [45, л. 4; 46, с. 521].

Были арестованы геологи Т.П.Первушина, Напольская, Н.В.Ионин [47]. Всего по делу было привлечено около 11 человек, которые характеризовались как разветвленная организационная сеть. В число обвиняемых попали преподаватели вузов, библиотекари, работники горной промышленности. Им инкриминировались попытки ввести своих сторонников в различные партийные и научные учреждения Ленинграда и Москвы, связь с оппозиционерами и их родственниками, развал работы [48, л. 7, 43, 46; 49, л. 1; 50, л. 8]. В отношении отдельных лиц указывалось на их непролетарское происхождение, которое становилось дополнительным аргументом для обвинения группы в преследовании личных целей [50, л. 3; 51, л. 9].

Часть бывших участников инициативной группы в ЛГИ не была арестована и не подверглась никаким репрессиям. В то же время ряд лиц, проходивших по делу, не принимал активного участия в событиях 1925—1928 гг. Люди были включены в число обвиняемых как работники, административно подотчетные лидерам группы. Напольская и ее муж Ионин были отправлены в лагерь [47]. Таким образом, к 1939 г. очаги внутрипартийного противостояния в ЛГИ были ликвидированы.

История оппозиции в ЛГИ демонстрирует эволюцию внутрипартийной борьбы в низовой партийной организации. Вузы не были в течение длительного времени основной опорой ЦК РКП(б)—ВКП(б) ввиду малого числа партийцев, отсутствия должной прослойки выходцев из рабочей и крестьянской среды, наличия в учебных заведениях дореволюционного преподавательского состава. После дискуссии на XIV съезде партии, учебные заведения оказались вне сферы внимания делегации ЦК. Инициативная группа противников ленинградской делегации возникла самостоятельно, не имела поддержки среди руководства ВКП(б). Ее деятельность носила полулегальный характер. Никто из ее участников не получил новые назначения и не сумел значительно продвинуться по карьерной лестнице.

Оппозиция в ЛГИ возникла еще в ходе дискуссий 1923—1924 гг., но не обладала организационным и теоретическим единством. Во время споров о полномочиях ленинградской делегации противостояние шло между инициативной группой и партийным бюро вуза. Члены последнего воспринимали своих оппонентов как прямых нарушителей, людей, стремящихся подменить собой бюро. Это совпадает с аналогичными мнениями в других партийных комитетах Ленинграда, где возникали инициативные группы [52, л. 6].

В отличие от других вузов Ленинграда, где существовали сильные ячейки оппозиции, в ЛГИ они не имели организационного единства. Студенты и преподаватели вуза практически не привлекались к партийной ответственности через контрольные комиссии. В то же время, факт участия в оппозиции бывших ответственных работников постепенно стал маркером оппозиционности. Стремление сторонников ЦК ВКП(б) видеть оппозицию как некую единую структуру, «партию Троцкого», стало поводом для того, чтобы после убийства Кирова объединять оппозиционеров не по личным фракционным связям, а по месту работы. Номенклатурная должность в условиях работы в оппозиционном руководстве становилась маркером оппозиции, фактором, усиливавшим вину бывших оппозиционеров.

В условиях массовых репрессий второй половины 1930-х гг. партийные органы и НКВД не имели заранее подготовленных списков и были вынуждены ориентироваться на данные, сообщаемые активными борцами с оппозицией. Таким образом, участники инициативных групп выступали как инструмент конструирования оппозиции. В свою очередь, образ оппозиции, создаваемый сторонниками ЦК ВКП(б) мог содержать заведомо ложные сведения, быть тесно связан с пропагандистскими шаблонами своего времени. В конечном итоге, инициативные группы были использованы для выхода из «Большого террора». Дело группы Напольской показало, что система постоянного информирования партийных инстанций о наличии враждебных элементов может трактоваться как отрицательное явление. Просуществовавшая дольше всех аналогичных групп борцов с оппозицией, инициативная группа ЛГИ стала инструментом для критики перегибов эпохи массовых репрессий. Будучи группой единомышленников, связанных друг с другом учебой, личным родством, административными и партийными связями, они выступили идеальным примером использования своего положения для личных выгод.

1. Роговин В.З. Власть и оппозиция. М., 1993. 398 с.
2. Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. 203 с.
3. Шубин А.В. Вожди и заговорщики: Политическая борьба в СССР в 1920—1930-х гг. М., 2004. 396 с.
4. Скоркин К.В. Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922—1934). М., 2011. 896 с.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 1. Д. 7243.
6. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7071.
7. Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 232658/1.
8. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 62.
9. Там же. Д. 32.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8811. Оп. 13. Д. 288.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 33.
12. Там же. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175.
13. Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 23.
14. Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 55.
15. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 122.
16. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 183.
17. Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 40.
18. Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 11.
19. Там же. Ф. 2807. Оп. 1. Д. 9.
20. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 121.
21. Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 77.
22. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 172.
23. Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 408662/2.
24. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л., 1928. XIV, 1416 с.
25. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 1-Б. Д. 187.
26. Там же. Д. 575.
27. Там же. Д. 589.
28. Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 684019/6.
29. Там же. Д. 703999.
30. Там же. Д. 704092.
31. Там же. Д. 80812/4.
32. Там же. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288.
33. Там же. Д. 2289.
34. Там же. Оп. 2-В. Д. 937.
35. Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 275422/3.
36. Там же. Д. 640700/3.
37. Там же. Д. 740793/3.
38. Там же. Д. 61858/1.
39. Там же. Д. 409045.
40. Там же. Д. 408862/5.
41. Там же. Д. 408438/2.
42. Там же. Д. 400431/2.
43. Там же. Д. 400447/2.
44. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 478 с.
45. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 275422/7.
46. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. 742 с.
47. Репрессированные геологи [Электр. ресурс]. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/repress/geo968.htm> (дата обращения: 10.02.2021).
48. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 400436.
49. Там же. Д. 400438.
50. Там же. Д. 400449.
51. Там же. Д. 400437/2.
52. Там же. Ф. 1949. Оп. 1. Д. 166.

References

1. Rogovin V.Z. Vlast' i oppozitsiya. [The power and the opposition]. Moscow, 1993. 398 p.
2. Nazarov O.G. Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoy partii v usloviyakh NEPa. [Stalin and the struggle for leadership in Bolsheviks party in period of NEP]. Moscow, 2000. 203 p.
3. Shubin A.V. Vozhdi i zagovorshchiki: Politicheskaya bor'ba v SSSR v 1920—1930-kh gg. [Leaders and conspirators: Political struggle in the USSR in 1920—1930-s]. Moscow, 2004. 396 p.
4. Skorkin K.V. Obrecheny proigrat'. (Vlast' i oppozitsiya 1922—1934). [Doomed to lose. (The power and the opposition, 1922—1934)]. Moscow, 2011. 896 p.
5. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb) [Central state archive of historical and political documents of Saint Petersburg]. F. 16. Op. 1. D. 7243.
6. Ibid. F. 16. Op. 1. D. 7071.
7. Ibid. F. 1728. Op. 1. D. 232 658/1.
8. Ibid. F. 80. Op. 1. D. 62.
9. Ibid. D. 32.
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 8811. Op. 13. D. 288.
11. TsGAIPD SPb. F. 80. Op. 1. D. 33.
12. Ibid. F. 984. Op. 1. D. 175.
13. Ibid. F. 124. Op. 1. D. 23.
14. Ibid. F. 88. Op. 1. D. 55.

15. Ibid. F. 84. Op. 1. D. 122.
16. Ibid. F. 16. Op. 1. D. 183.
17. Ibid. F. 123. Op. 1. D. 40.
18. Ibid. F. 302. Op. 1. D. 11.
19. Ibid. F. 2807. Op. 1. D. 9.
20. Ibid. F. 17. Op. 1. D. 121.
21. Ibid. F. 48. Op. 1. D. 77.
22. Ibid. F. 47. Op. 1. D. 172.
23. Ibid. F. 1728. Op. 1. D. 408662/2.
24. XV s"ezd VKP(b). Stenograficheskiy otchet. [XV Congress of VCP(b). The stenographic record]. Moscow-Leningrad, 1928. XIV, 1416 p.
25. TsGAIPD SPb. F. 24. Op. 1-B. D. 187.
26. Ibid. D. 575.
27. Ibid. D. 589.
28. Ibid. F. 1728. Op. 1. D. 684019/6.
29. Ibid. D. 703999.
30. Ibid. D. 704092.
31. Ibid. D. 80812/4.
32. Ibid. F. 24. Op. 5. D. 2288.
33. Ibid. D. 2289.
34. Ibid. Оп. 2-V. D. 937.
35. Ibid. F. 1728. Op. 1. D. 275422/3.
36. Ibid. D. 640700/3.
37. Ibid. D. 740793/3.
38. Ibid. D. 61858/1.
39. Ibid. D. 409045.
40. Ibid. D. 408862/5.
41. Ibid. D. 408438/2.
42. Ibid. D. 400431/2.
43. Ibid. D. 400447/2.
44. Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury. [Master of the house: Stalin and the establishment of Stalinist dictatorship]. Moscow, 2010. 478 p.
45. TsGAIPD SPb. F. 1728. Op. 1. D. 275422/7.
46. XVIII s"ezd VKP(b). Stenograficheskiy otchet. [XVIII Congress of VCP(b). The stenographic record]. Moscow, 1939. 742 p.
47. Repressirovannyye geologi [Repressed geologists]. Available at: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/repress/geo968.htm> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
48. TsGAIPD SPb. F. 1728. Op. 1. D. 400436.
49. Ibid. D. 400438.
50. Ibid. D. 400449.
51. Ibid. D. 400437/2.
52. Ibid. F. 1949. Op. 1. D. 166.

Stefanenko A.Yu. Initiative groups and intraparty opposition in Leningrad Mining Institute (1925—1939). The article dwells on the history of intraparty struggle within one of Leningrad Institute. During the discussion the Institute split up into two groups. It was the result of coincidence of intraparty debate in VCP(b) and conflict in the local Institute party organisation. The struggle was between the initiative group of Central Committee supporters and opposition adherents. Later oppositionists were described as the strong group with hierarchy and the plan of further actions against the Bolsheviks party. The lack of information about the oppositionist's movement in Leningrad enhanced the position of the initiative groups' members. These groups were primary sources of information about the opposition. In spite of that, the information from them gave the incomplete image of the opposition and included stereotypical propaganda patterns. Initiative groups were the part of the process of construction of the intraparty opposition. In the end of "Great Terror", the initiative group case of Leningrad Mining Institute was used as the example of excesses in the new propaganda campaign.

Keywords: intraparty struggle, Leningrad, Leningrad Mining Institute, Trotsky, Zinoviev, repression, opposition.

Сведения об авторе. Александр Юрьевич Стефаненко — аспирант Санкт-Петербургского Института Истории РАН, отдел современной истории России; ORCID: 0000-0003-2433-4331; stisawesome1@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.03.2021. Принята к публикации 10.05.2021.

Ссылка на эту статью: Стефаненко А.Ю. Инициативные группы и внутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского Горного Института (1925—1939 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 397-401. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401

For citation: Stefanenko A.Yu. Initiative groups and intraparty opposition: the case of Leningrad Mining Institute (1925—1939). *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 4(37), pp. 397-401. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401